

© 2009 г.

В.Л. МУСАТОВ

МЕТАМОРФОЗЫ ПОЛИТИКИ ГОРБАЧЕВА В ОТНОШЕНИИ СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА

Еще в начале 80-х годов наша страна – СССР была одной из двух супердержав, одним из полюсов мировой политики и международных отношений. Мировая роль Советского Союза была выстрадана советским народом во Второй мировой войне, она была защищена и усилена в результате многолетней борьбы и труда всего советского общества в послевоенный период. В любой сфере – военно-политической, экономической, научно-технической, культурной и идеологической наши противники, прежде всего, США вынуждены были считаться с СССР. Наша страна была крупнейшим социалистическим государством, построенным по авторитарно-бюрократической модели, но в то же время она давала миру немало позитивных импульсов. На Советский Союз ориентировались многие политические силы в мире. В то же время для думающей части советской правящей элиты, да и для серьезных зарубежных аналитиков, не являлось секретом, что выдерживать экономическое соревнование с державой № 1 в мире, поддерживать ракетно-ядерный паритет с американцами в гонке вооружений становилось для Москвы все труднее и труднее.

В 80-е годы Советский Союз вступил с грузом серьезных проблем. Динамика развития уменьшилась, экономика была перенапряжена, уровень жизни стагнировал. Повторить высокие показатели девятой пятилетки 1971–1975 гг. (а ведь это были годы "брежневского застоя", по теперешней терминологии!?) было невозможно, но все-таки ежегодный прирост ВВП составлял примерно 3%. Наши союзники по Варшавскому Договору держались, но у каждого из них имелись немалые трудности. Степень конфронтации в мире оставалась сравнительно высокой. Вместе с союзниками мы втягивались в сложный этап своего развития и мировой истории. Вне всякого сомнения, возникала потребность проведения крупных реформ, вскрытия дополнительных резервов развития. Об этом говорил еще Ю.В. Андропов, ставший после Л.И. Брежневца, к сожалению, только на короткое время лидером страны. Он подчеркивал необходимость разобраться в том, какое общество мы построили и какую имеем экономику. Но в тот момент Советский Союз был еще единой и мощной страной, общность советских людей была реальной. Союзническая система функционировала в целом удовлетворительно, у нее был определенный запас прочности. «Понадобилось, – как пишет наш известный дипломат, депутат Госдумы Ю.А. Квицинский, – всего несколько лет так называемой "перестройки", чтобы СССР сначала перестал быть великой державой, а затем и вовсе прекратил свое существование как субъект международного права. Этот удивительный феномен требует своего исследования и осмысления»¹

Мусатов Валерий Леонидович – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Дипломатической академии МИД РФ, Чрезвычайный и полномочный посол, Заслуженный работник дипломатической службы России, в 1988–1991 гг. – заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС.

¹ *Квицинский Ю.А.* Внешняя политика СССР в годы перестройки. – Наш современник, 2005, № 1.

Весной 1985 г. после смерти К.У. Черненко к власти в Москве пришел молодой и амбициозный политик М.С. Горбачев, который с 1978 г. работал в Москве секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству, а затем стал выдвигаться на ведущие партийные роли. На фоне стариков в Политбюро он смотрелся неплохо. Его избрание Генеральным секретарем (в возрасте 54 лет) было встречено с надеждой как в партии, так и в народе. Какое значение в своей политике модернизации и обновления Советского Союза новый руководитель придавал внешнему фактору, в частности сотрудничеству с социалистическими странами? Каковы были его долгосрочные планы и вообще имела ли у него продуманная политика?

Ответ на эти вопросы уже дала история – нет Советского Союза, нет КПСС, нет Организации Варшавского Договора (ОВД) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), рухнули социалистические режимы в странах ЦВЕ, причем наиболее драматическим образом в Румынии и Югославии. Неудача перестройки нанесла мощнейший удар по левым, социалистическим силам. Но социалистические идеи живут, они реализуются на практике в соответствии с национальной спецификой в Китае, Вьетнаме и на Кубе. Во многих странах, в том числе в России, действуют коммунистические партии. В мире существует множество социалистических, социал-демократических правительств, политическая практика социал-демократии очень обширная. А в экономической теории, особенно под влиянием нынешнего мирового финансового кризиса, явно оживился интерес к марксизму.

Существовали ли альтернативы той политике в отношении социалистических стран и мирового социализма, которую проводили Горбачев и его окружение? В этой связи есть, по крайней мере, несколько точек зрения. Одни считают, что политика Горбачева не имела альтернатив, что он был прав начав ломку "реального социализма", но в любом случае итог его политики был бы тем же, что мы пережили в 1991 г. Социализм (его советская модель) терпел поражение в соревновании с капитализмом, в "холодной войне" выиграла США и Запад. Любопытно отметить, что Горбачев до сих пор жалеет об упущенных шансах перестройки и провале его идеи создания вместо старого Советского Союза нового объединения на базе Союзного договора. О своем идейном облике М.С. Горбачев в 2005 г. говорил следующее: «Я много прожил, о многом передумал, через многое прошел и, в конце концов, пришел к социал-демократическому видению социализма. Для меня ближе всего сейчас свобода (это, кстати, сказать, либеральная ценность), солидарность, социально ориентированная экономика и связанная с этим роль государства. Дальше я прокладываю путь к понятию "новая цивилизация"»².

Другие полагают, что Горбачеву не следовало предпринимать радикальных перемен. Можно было бы ограничиться определенным минимумом, не нарушающим динамическое равновесие. Вспоминают Андропова, который говорил об осторожном, постепенном расширении демократии в нашей стране. Общество имело еще запас прочности, его хватило бы лет на 10, а за это время можно было бы во всех странах социализма основательно разработать реформы. После провала попыток реформ 60-х годов и с учетом их опыта, в том числе "Пражской весны", социализм в 80-е годы был все-таки реформируем в направлении демократического социализма. Опросы того времени показывали, что большинство советских людей считало, что необходимо реформирование созданной системы "реального социализма", очищение его от деформаций и антиобщественных проявлений. Сторонники перехода к капитализму находились в меньшинстве. Но обновление и создание новых форм должно было быть плавным, без скачков и на базе широкой народной поддержки.

Есть и такое мнение, что перестройка как социалистический проект содержала набор правильных идей, но отсутствовала четкая программа действий, не было системы приоритетов, не учитывались международные реалии. И не было команды достойных

---

² Неоконченная история. Три цвета времени. М., 2005, с. 35.

и способных руководителей. Как лидер перестройки Горбачев метался из стороны в сторону, много импровизировал, не имел ясной программы, а став Президентом СССР, уверовал в свою непогрешимость. Не добившись ничего существенного в главной сфере – экономике, где от реформ ждали положительных перемен, прежде всего улучшения уровня и качества жизни народа, он начал ломать политическую структуру, отказываясь от ведущей роли компартии, которая при всех своих изъянах являлась каркасом всей политической системы. Что бы ни говорили сейчас сам Горбачев и его окружение, Генеральный секретарь фактически, правда, чаще всего не напрямую, а скорее косвенными методами, подталкивал союзные социалистические страны к переменам в духе советской перестройки, к смене руководителей, к расширению гласности и демократии, к изменению характера взаимоотношений и сотрудничества с Советским Союзом. В вихре перемен, вызванных перестройкой, первыми рухнули социалистические страны в Восточной Европе, поскольку их системы не отличались гибкостью и стабильностью, они находились в разной степени готовности к радикальным изменениям, переживали предкризисную стадию в экономике, увязли в долгах, а их руководители не смогли приспособиться к меняющейся обстановке. Без политической и экономической помощи и без военной поддержки Москвы правящие компартии не могли удержать власть, что нашло подтверждение в ходе демократических революций 1989–1990 гг.

Как это все происходило? Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Горбачев получил неограниченную власть, он мог, как никто другой, оказывать огромное влияние на внутреннюю и внешнюю политику СССР. Но на первых порах он был вынужден оглядываться на влиятельных членов Политбюро – А.А. Громыко, М.С. Соломенцева, В.М. Чебрикова, В.И. Воротникова, в меньшей степени – на Н.А. Тихонова, В.В. Гришину и Г.В. Романова, а из новых членов руководства опирался на Е.К. Лигачева и Н.И. Рыжкова, которые активно поддержали его избрание на высший пост. Первоначально в деятельности Горбачева проявились два подхода – стремление к обновлению политики, к отмене всего отжившего и консервативного и одновременно привязанность к традициям послевоенного периода, желание сохранить преемственность политической линии. Как отмечал помощник Генерального секретаря ЦК КПСС Г.Х. Шахназаров, политика Горбачева на первом этапе была без изменений, "оставаясь в традиционных рамках и проводилась привычными устоявшимися методами, хотя и здесь динамичная личность нового советского лидера вносила оригинальные элементы"³. Но по мере формирования политики перестройки и гласности (а весной 1985 г. не было еще никакой концепции, имелись лишь общие замыслы обновления и ускорения развития страны) усиливался отход от традиционных форм и начиналось "творчество", причем на эклектической основе, в обстановке усиливавшейся критики развития страны и партии на всем протяжении нашей истории.

М.С. Горбачев в 1995 г. так рассказывал о своих замыслах в международной сфере: "Представления о необходимости серьезного изменения внешней политики сформировались у меня под воздействием многих факторов еще до моего избрания генсеком. Не стану утверждать, что к этому моменту в портфеле лежал детально разработанный план действий, но была достаточно ясная цель и, в общем виде, наброски первых шагов. Так что перестройка начала продвигаться сразу внутри и вовне, успех на одном направлении подталкивал движение на другом, неудача, соответственно, тормозила дело на обоих"⁴. Он отмечал, что во внешней политике намечался поворот почти на 180 градусов. В необходимости этого надо было убедить членов коллективного руководства партии, а кого-то из них просто поменять. Значительные персональные изменения в составе ЦК и Политбюро были проведены в 1986–1987 гг.

³ Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993, с. 100.

⁴ Горбачев М.С. Жизнь и реформы, кн. 2. М., 1995, с. 7.

Концепция перестройки, как она была сформулирована в докладах Горбачева на съездах и пленумах, выступлениях и в его вышедшей в 1987 г. книге "Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира", переведенной на многие языки в количестве 5 млн. экземпляров, представляла смешение постулатов марксизма-ленинизма, идей современной европейской социал-демократии, американского либерализма и выводов, почерпнутых из докладов Римского клуба, комиссий Пальме, Брандта, Трехсторонней комиссии (международной неправительственной организации из авторитетных политических деятелей США, Европы и Азии) и других западных центров. Уже в наши дни, анализируя итоги и последствия перестройки, Горбачев-фонд в докладе, посвященном 20-летию перестройки, определял ее как "реформы сверху с целью кардинального обновления системы, которые переросли в массовое движение снизу. В концептуальном плане магистральную линию перестройки составила идея перехода от авторитарно-бюрократического социализма к его гуманистической модели, чьи контуры были очерчены в мировой социалистической мысли. Пик демократических преобразований в СССР пришелся на конец 80-х годов. Именно тогда общественная самодеятельность стала приобретать массовый, нередко спонтанный характер"⁵. Одна из центральных позиций в философии перестройки выражалась в том, что приоритет отдавался глобальным, общечеловеческим ценностям, классовые интересы отводились в сторону. Провозглашался отход от конфронтации в международных отношениях, отказ от применения силовых решений в пользу политических методов. Вместо мирного сосуществования предлагалась взаимозависимость. Выдвигался лозунг деидеологизации международных отношений и внешней политики. Миру предлагалось новое политическое мышление. В Европе следовало строить "общеевропейский дом". Во всем чувствовалось сильное идеализированное начало, которое было позднее усилено нарочитыми восторгами на Западе, прежде всего в адрес творца перестройки и нового мышления, поскольку Москва на глазах – и самостоятельно!?! – меняла прежнюю политику.

В области внешней политики М.С. Горбачеву предстояло прервать конфронтацию, затормозить гонку вооружений, снять угрозу ядерного конфликта, восстановить доверие, установить нормальные отношения с Западом, прежде всего с США. На базе равноправия и паритета, провозглашения ширококонтентных мирных инициатив это сделать было трудно. "Угроза ядерного апокалипсиса побуждала искать неординарные пути выхода из этой ситуации. Развязать gordiev узел можно было, лишь изменив сложившийся конфронтационный порядок"⁶. В выступлении Горбачева на активе в МИД СССР в мае 1986 г. и в докладе на XXVII съезде КПСС было изложено множество предложений. Речь шла о том, чтобы создать "принципиально новую концепцию всеобъемлющей безопасности, охватывающей все стороны отношений между народами и государствами, включая их человеческое измерение"⁷, осуществить ядерное разоружение к 2000 г., сократить ракетные арсеналы, запретить и уничтожить химическое оружие, отказаться от создания других видов оружия массового уничтожения, снизить уровни военных потенциалов государств до пределов разумной достаточности, а также распустить военные блоки и не создавать новые, сократить военные бюджеты. Выступая в МИД, генсек говорил о том, что остановить роковой ход событий (ядерный конфликт) способен только Советский Союз. Невольно возникает вопрос, почему только Советский Союз? И так ли был неминуем ядерный конфликт, как это рисовала наша пропаганда? Например, авторитетный дипломат, секретарь ЦК КПСС В.М. Фалин в записке на имя Генерального секретаря в мае 1988 г. писал по данному вопросу более корректно: "Не все, естественно зависит от советской стороны. Многие физически невозможно и впредь сделать без взаимности США и их союзников. Но от-

⁵ Российская газета, 1.III.2005.

⁶ Там же.

⁷ Горбачев М.С. Указ. соч., с. 9.

ныне всем известно или должно быть известно: объем и уровень разоружения зависит всецело от Запада"⁸. Стратегия и тактика нашей внешней политики, по мнению Горбачева, должна была заключаться в том, чтобы избежать ядерной опасности, но одновременно оградить интересы Советского Союза. Было подчеркнуто, что без ускорения невозможно сохранить мировые позиции социализма, без придания динамизма развитию страны у нас нет перспективы, ибо нами создано отсталое общество. Горбачев ориентировал советскую дипломатию на достижение успеха на всех крупных переговорах. Он считал, что "дипломатическая телега" двигается со скрипом, по старой наезженной колее. Нужно, дескать, настраиваться на компромисс и не думать, что другая сторона глупее нас. Очевидно, изначально Горбачеву развязки крупнейших проблем безопасности и разоружения виделись в определенных уступках на базе доверия и взаимной ответственности, в отказе от некоторых позиций, особенно в области разоружения. Рассуждая с позиций дня сегодняшнего, можно отметить, что советская внешняя политика, конечно, нуждалась в переменах, но не в такой кардинальной степени, как это наблюдалось в 1985–1991 гг.

Вначале генсек подчеркивал, что когда наметится перелом к лучшему во внутренних делах, то начнется перелом к лучшему и в делах внешних. Но катастрофой для нашей страны явилось то, что, потерпев неудачу во внутренней перестройке, Горбачев попытался компенсировать успехами и высокой активностью на внешнеполитической арене, тем более что там он встречал признание. В спешке и достаточно бессистемно из Москвы выдвигались предложения, которые привели к сдаче многих наших исторических позиций. Запад выслушивал "лекции" о новом мышлении, но в практической области уступал нам гораздо меньше, чем добивался от советской стороны. Фактически Горбачев осуществил коренной поворот во внешней политике, внешне третий по счету в истории Советского Союза после И.В. Сталина и Н.С. Хрущева. Но этот принципиальный поворот был "сопряжен с окончательным отказом от революционно-государственного прозелитизма", как считает советник бывшего президента СССР К.Н. Брутенц⁹. В результате поражения перестройки и беловежского сговора Советский Союз утратил статус сверхдержавы и распался, а Россия, пережив эту геополитическую катастрофу, превратилась в региональную державу, которая пытается восстановить положение одного из ведущих государств мира.

Вряд ли сам Горбачев предполагал, что его инициативы по реформированию внешней политики, в частности, в отношении стран социализма, приведут к таким неоднозначным результатам, впрочем, как и вся политика перестройки, первоначально нацеленная на обновление социализма в духе ленинизма, а потом сведенная к социал-демократической модели. Перестройка была задумана для модернизации и продления жизни социализма в Советском Союзе, а на деле она его похоронила. Нечто подобное произошло и с союзными нам соседними государствами в Восточной Европе. В 1985–1986 гг. новому генсеку среди первоочередных задач предстояло освоить и наследие своих предшественников – тесные союзнические отношения со странами социалистического содружества и государствами – членами Организации Варшавского Договора.

Это направление во внешней политике СССР считалось по традиции приоритетным, но судьбы войны и мира, глобальной безопасности решались, конечно, не здесь. Для нового советского лидера, разумеется, на первом месте стояли вопросы отношений с США и ведущими западными странами. "Понимая, что никакое улучшение в мировых делах невозможно без участия США, – говорил Горбачев, – мы, прежде всего, восстановили политический контакт с американским руководством"¹⁰. В дальнейшем в политике Горбачева к 1989 г. наступит момент, когда страны Восточной Европы,

⁸ Фалин В.М. Конфликты в Кремле. М., 1999, с. 337.

⁹ Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005, с. 132.

¹⁰ Выступление М.С. Горбачева в Филадельфии 19 сентября 2008 г. при вручении американской "Медали свободы". – www.gorbi.ru/rubrs.asp?art_id-26120&rubr_id-20&paig-2

фактически сателлиты Советского Союза станут разменной картой в торге с западными державами за благосклонность к его курсу, за поддержку перестройки и, в том числе, за получение финансово-экономической помощи.

Пока же по инерции в 1985 г. решалась задача продления (без изменений) на 20 лет Варшавского Договора (возражала только Румыния, но затем и она согласилась), позже была подновлена военная доктрина ОВД, причем в случае конфликта или войны все вопросы решались бы советским командованием. Горбачев начинал по-старому, в духе доктрины "ограниченного суверенитета", правда, позже стал говорить об освобождении социалистических стран от великодержавных пут. А в деятельности ОВД после обновления военной доктрины было усилено по тактическим соображениям политическое начало. Но весной 1986 г. Генеральный секретарь, встречаясь с активом МИД, заговорил о "новом этапе" в отношениях с социалистическими странами. Эти государства, по его мнению, давно прошли фазу своего формирования. Они стали зрелыми, обладают прочной экономикой и социальной сферой. Зачастую они живут лучше нас. И вывод – их больше нельзя водить за руку. Звучало все это неплохо, но если задуматься, то содержало и двусмысленность.

В деятельности М.С. Горбачева на социалистическом направлении в 1985–1988 гг. можно выделить три линии:

1. После первого посещения социалистических стран и знакомства с их лидерами он укрепился во мнении о необходимости переводить отношения на новую основу, в том числе попытаться вновь наладить отношения с КНР. Это удалось сделать в 1989–1990 гг. И Горбачев здесь разделяет заслугу с Дэн Сяопином в восстановлении советско-китайских отношений. В мае 1986 г. в записке в Политбюро ЦК КПСС "О некоторых вопросах сотрудничества с соцстранами" Генеральный секретарь изложил принципы отношений с социалистическими странами: подлинное равноправие, согласование позиций, совершенствование связей и общая ответственность за развитие мирового социализма при уважении суверенитета и самостоятельности каждой страны. Историческая часть записки не отличалась особой самокритичностью, но главное было в попытке обновить отношения, придать им новые импульсы и ослабить бремя, которое нес на своих плечах Советский Союз. Коллеги по Политбюро поддержали Горбачева. Как он считал, "за редким исключением все в руководстве видели зияющие дыры в системе сотрудничества с соцстранами, в особенности по линии народнохозяйственной. И первым практическим шагом стала реформа внешнеэкономического механизма, начатая в августе 1986 г."¹¹.

Была ограничена государственная монополия внешней торговли, 20 министерствам и десяткам крупных предприятий разрешили самостоятельно выходить на мировой рынок. Всем предприятиям предоставили право установления связей с партнерами в социалистических странах. Вопросы ценообразования по кооперационным поставкам передали на рассмотрение сотрудничающих предприятий при соблюдении общих параметров. Был решен и целый ряд других вопросов, включая упрощение порядка деловых поездок за рубеж. По оценке секретаря ЦК КПСС В.А. Медведева, отвечавшего до конца 1988 г. за связи с соцстранами, такой поворот носил волевой характер, он представлял забегание вперед с точки зрения общей реформы советской экономики. Такую же оценку дает и бывший Председатель Совета министров СССР Н.И. Рыжков. Предприятия и объединения не обладали еще материальными возможностями для прямых связей с зарубежными партнерами. Но это, дескать, делалось сознательно для оказания влияния на ускорение внутренней реформы экономического механизма, чтобы право выхода на зарубежный рынок постепенно наполнялось реальным содержанием¹².

¹¹ Горбачев М.С. Указ. соч., с. 315.

¹² Медведев В. Распад. Как он назревал в "мировой системе социализма". М., 1994, с. 40; Рыжков Н. Перестройка: история предательств. М., 1992, с. 254.

2. Важным моментом стала активизация политических контактов высших руководителей. С осени 1985 г. действовал институт регулярных неформальных встреч первых секретарей компартий европейских социалистических стран. Имелось в виду, что этот инструмент позволит лучше согласовывать вопросы внешней политики, экономического сотрудничества, а также обсуждать проблемы развития мирового социализма. Поскольку трудно было находить время для отдельных встреч, они чаще всего стали привязываться к заседаниям Политического Консультативного Комитета (ПКК) Варшавского Договора. Именно так первая подобная рабочая встреча прошла в Софии. Поначалу этот механизм действовал, вызывая интерес партнеров, но затем, к сожалению, выродился в сугубо информационный, обычно в связи с советско-американскими саммитами.

3. В ходе своих контактов с руководителями союзных стран Горбачев уловил потребность в перестройке экономических связей с "братскими странами", в реконструкции работы СЭВ. На партийной встрече в Софии осенью 1985 г. советская сторона предложила разработать комплексную программу научно-технического прогресса стран – членов СЭВ в целях ликвидации отставания содружества в области науки и техники. Попытка социалистических стран подключиться к европейским программам, в частности к "Эврике", не удалась, поэтому пришлось действовать, опираясь на собственные силы. Ничего хорошего из этого, как известно, не вышло. Позже по инициативе Горбачева в Москве в ноябре 1986 г. была проведена Рабочая встреча высших руководителей стран – членов СЭВ для обсуждения вопросов взаимного сотрудничества. Некоторые руководители предлагали ограничить состав участников только странами ОВД, считая других слаборазвитыми, но советская сторона настояла на сззовском характере, поэтому в Москву прибыли также Ф. Кастро, Ж. Батмунх и Чуонг Тинь. Горбачев, а вместе с ним в совещании участвовал Рыжков, во время этой закрытой встречи выступал три раза – по общему вопросу, о внешней политике Советского Союза и с заключительным словом.

Существование позиции, изложенной Горбачевым на Рабочей встрече, сводилось к следующему. Перед социалистическими странами стоит "неумолимая альтернатива: либо социализм резко прибавит шаг, выйдет на самые передовые рубежи науки, техники, экономики, убедительно продемонстрирует привлекательность нашего образа жизни, и тогда упрочатся его позиции в мире, откроются новые перспективы мирового революционного процесса; либо – увязнем в трудностях и проблемах, утратим динамизм, и тогда начнут нас теснить, попытаются отбросить назад со всеми вытекающими отсюда последствиями для судеб социализма и мира. А с учетом той огромной роли и ответственности, которую несет на своих плечах мир социализма, это скажется и на судьбах человечества. Вот, по сути, какова цена нынешних решений и действий каждой из наших партий и всех нас вместе". По мнению Горбачева, все братские партии едины в том, что надо активизировать такой "могучий фактор прогресса", как сотрудничество соцстран. Он заявил, что перестройку в Советском Союзе следует рассматривать не только как внутреннюю советскую потребность, но и как вклад в решение проблем мирового социализма. Остановлюсь на этом моменте. Горбачев провозглашал самостоятельность и независимость социалистических стран, но практической политикой он навязывал им свою концепцию перестройки, независимо от их состояния и готовности. Здесь крылась причина его стычек с лидерами стран Варшавского Договора, помимо того, что некоторые из них испытывали личную антипатию к Горбачеву. Наконец, у них проявлялось просто чувство самосохранения.

Давая на Рабочей встрече характеристику ситуации в мире социализма, Горбачев был осторожен, чтобы не наткнуться на возражения партнеров, хотя в первых заготовках его речи содержались резкие оценки. Он сказал, что новый строй доказал свою прочность, выдержал кризисы, усугубленные действиями империалистов. Но надо, дескать, дать правильную, бескомпромиссную оценку и возникшим проблемам. "Во второй половине 70-х – начале 80-х годов развитие мировой социалистической системы замедлилось". По данным Отдела ЦК КПСС среднегодовой прирост националь-

ного дохода в странах СЭВ сократился с 6,5% в 1971–1975 гг. до немногим более 2% в 1981–1982 гг. Не только в кризисной Польше или в Венгрии, но и в ряде других стран произошло абсолютное падение используемого национального дохода. В СССР наблюдался нулевой прирост ВВП. Лишь в КНР происходило заметное ускорение в экономике, но социальная обстановка оставалась напряженной. Горбачев отмечал, что "появились неблагоприятные тенденции в экономике и социально-политической сфере. Не удалось вовремя и с должным размахом соединить достижения научно-технической революции с преимуществами планового социалистического хозяйства. Запоздали со структурной перестройкой экономики, переводом ее на рельсы интенсификации. Конечно, и в этот сложный период социалистические страны не стояли на месте, а некоторые сумели сохранить неплохие темпы роста. И все же, если брать содружество в целом, приходится признать: произошел спад динамики"¹³.

М.С. Горбачев указал и на негативные последствия широкого применения отдельными странами западных кредитов и технологий. По его словам, необходимо налаживать связи с Западом, но сотрудничество должно быть свободно от попыток использовать его в неблагоприятных политических целях. Горбачев не мог не затронуть такой деликатный вопрос, как роль СССР в становлении соцстран после Второй мировой войны и вместе с тем его ответственность за создавшееся к 80-годам положение. Советскому Союзу, как он сказал, пришлось выступать в роли "своего рода опекуна в мире социализма (хорошо ли это делалось или плохо, удачно или неудачно, я сейчас не говорю)". Сложившийся тип сотрудничества (фактически патернализм, нередкое вмешательство во внутренние дела, копирование советского опыта и др., хотя Горбачев об этом прямо не сказал) был объясним на начальной стадии, но по мере укрепления братских стран, роста их экономической мощи и политической стабильности он все меньше оправдывал себя. Постепенно, по словам Горбачева, такого рода отношения стали превращаться в "тормозящий фактор нашего развития". Самокритично было отмечено, что некоторые советские товарищи считали себя, чуть ли не единственными хранителями учения марксизма-ленинизма, проявляли подозрительность к творческим поискам других стран. Но проявлялась и другая тенденция – отдельные страны стали замыкаться, искать решения не на коллективной основе.

Что же предложил лидер Советского Союза после таких оценок, которые впервые прозвучали на форуме высших руководителей соцстран? Горбачев изложил принципы взаимоотношений стран социалистического содружества, которые означали отказ от так называемой доктрины Брежнева (без прямого указания на это в тексте выступления) и перестройку сотрудничества со своими социалистическими партнерами. Речь шла о том, чтобы политические отношения строились на основе равноправия и взаимной ответственности. Никто в соцсодружестве не может претендовать на особое положение. Безусловные принципы – самостоятельность каждой партии, право суверенно решать вопросы развития страны, каждая партия несет ответственность за свою политику перед собственным народом. (Опытные руководители "братских партий" сразу уловили этот нюанс – они отвечают за свои решения перед своими народами, а не перед Москвой и мировым коммунистическим движением.) Горбачев постарался смягчить данный поворот, он пояснил, что успехи содружества невозможны без заботы каждой партии и страны не только о собственных, но и об общих интересах, без уважительного отношения к друзьям и союзникам, обязательного учета их интересов и опыта. В центр сотрудничества надо, мол, поставить обмен опытом социалистического строительства. Позже у Горбачева новая настроенность выражалась так: вы, дорогие товарищи, сами отвечаете за свои дела, сами ищите выход. Иногда он добавлял: в рамках социалистического выбора.

В экономических отношениях рекомендовалось последовательно соблюдать принципы взаимной выгоды и помощи. Естественная основа социалистической интеграции –

---

¹³ Личный архив автора.

эквивалентный обмен продуктами национального труда. Но Горбачев отметил необходимость оказания коллективной помощи странам с менее развитой экономикой – Кубе, Вьетнаму, Монголии с целью включения их в систему социалистического разделения труда. Это не вызвало положительных откликов у "европейцев", никто не хотел помогать, хотя руководители этих стран просили дополнительной помощи. Помогать опять должен был Советский Союз.

В международных делах Горбачев в выступлении сделал акцент на сочетании инициативы каждого с общей согласованной линией. Ни одна страна, включая Советский Союз, сказал он, не может решать свои национальные задачи на международной арене в изоляции от общего курса. И точно так же согласованная внешняя политика может быть эффективной только в том случае, если учитывается вклад каждого государства в общее дело.

В сфере сотрудничества предлагалось закрепить практику проведения Рабочих встреч высших руководителей, повысить эффективность контактов глав правительств, совещаний секретарей ЦК компартий, активизировать связи парламентов, профсоюзов, молодежных организаций и т.д. Вопрос о реформе СЭВ решено было проработать дополнительно. Горбачев говорил о необходимости ускорить ход интеграционного прогресса. По его мнению, СЭВ должен сконцентрироваться на согласовании экономической политики, разработке долгосрочных программ сотрудничества и различных проектов. А другой задачей явится разработка и согласование нормативных основ интеграционного механизма, правовых и экономических условий прямых связей предприятий. Но это были замыслы. По линии СЭВ состоялись две сессии, но без особого результата. В частности, на 43-й внеочередной сессии СЭВ в октябре 1987 г. было решено разработать коллективную концепцию социалистического разделения труда на 1991–2005 гг., а также программы многостороннего сотрудничества европейских стран – членов СЭВ с Вьетнамом, Кубой и Монголией. Понятное дело, что все это осталось пустым пожеланием. На Рабочей встрече в Москве в ноябре 1986 г. руководители социалистических стран в целом поддержали Горбачева. Сам он был доволен итогами встречи. Особо ему понравилась позиция В. Ярузельского, а также, хотя в меньшей степени – Я. Кадара ("не очень он в этот раз нас обогатил"). Было замечено, что Г. Гусак и Т. Живков поддержали Горбачева с оговорками. Генсек в своем кругу критиковал выступление Н. Чаушеску (он, оказывается, все сделал до нас, и перестройка в Румынии началась в 1965 г.). Подобные заявления делал и Э. Хонеккер. Чаушеску и Хонеккер, поддерживая идею улучшения сотрудничества на межгосударственном уровне, негативно отнеслись к предложению о расширении прав и самостоятельности предприятий. По мнению Горбачева, Рабочая встреча в Москве «была серьезной попыткой сообща найти пути преодоления нараставших во всех странах СЭВ экономических и социальных трудностей. Они грозили перерасти в непредсказуемый по силе и последствиям кризис, но всей глубины его тогда еще никто не осознавал. Вроде бы рассуждали основательно, не уходили от болезненных, "неприятных" проблем, а у меня все-таки осталось впечатление некоторой теоретической отстраненности от жизни. Не слишком верилось, что наши дебаты дадут импульс к неотложным действиям»¹⁴.

Главное было в другом. Перестроить экономические отношения, фактически на рыночной основе, не удавалось. Принятая в конце 1985 г. Комплексная программа научно-технического прогресса стран – членов СЭВ осталась на бумаге. Из 93 тем, сгруппированных по 5 направлениям, только третья часть предусматривала выход на мировой уровень. Не была проработана проблема финансирования, отсутствовал общий экономический механизм. Многие разработки не вышли из стадии проектов и не были доведены до производства.

---

¹⁴ Горбачев М.С. Указ. соч., с. 317.

Партнеры были скептически настроены в отношении способности перестроить СЭВ, они скорее были готовы развивать двусторонние отношения с Советским Союзом. В.А. Медведев отмечает, что как только СССР внес предложения о реконструкции СЭВ, наши партнеры задумались. А до этого сами говорили о переменах. Не были созданы ни объединенный рынок, ни таможенный союз, не удалось приблизиться к конвертируемости, прежде всего рубля. Авторитет СЭВ упал. Очень трудно проходила координация народнохозяйственных планов на следующую пятилетку 1991–1995 гг. Возможности Советского Союза были ограниченными, товарооборот падал. Нарастала задолженность соцстран западным странам (порядка 115–120 млрд. долл., без СССР и КНР). Но новым моментом было появление задолженности Советского Союза "братским странам", поскольку советские предприятия, занятые лихорадочной перестройкой, срывали поставки. Партнеры отказывались от закупки военной техники в СССР. Критической была ситуация с экспортом энергоносителей, прежде всего советской нефти. Ставка на создание совместных предприятий с соцстранами не принесла положительных сдвигов, доля их продукции была маленькой. Нужно отметить, что надвигавшийся финансово-экономический кризис в Советском Союзе, а руководство социалистических стран ощущало его приближение, накладывал тень на всю систему сотрудничества и отрицательно сказывался на внутреннем положении в социалистических странах. И без того, зависимые в торговле и в кредитной области от западных держав, европейские страны СЭВ начали активнее поворачивать в другую сторону. Сближение социалистических стран и Советского Союза в политике и в экономике, обновление "реального социализма", интернационализация этого процесса, о чем первоначально думал Горбачев, – ничего этого не произошло. Не дошло дело и до "исторической встречи" обновленной Восточной Европы с тоже обновленной Западной Европой на общем европейском пространстве, как это предполагалось по схеме Горбачева. Позднее такая "встреча", а точнее сначала поглощение ФРГ, членом НАТО, Германской Демократической Республики, которая была самым сильным союзником Советского Союза в Европе, и потом втягивание всех стран Центральной и Восточной Европы в НАТО, все-таки произошла, но по сценарию западных держав.

Знал ли об этом Горбачев? Конечно, знал. Бывший председатель КГБ В.А. Крючков неоднократно заявлял, что Горбачеву докладывалась вся информация о положении в соцстранах и о планах западных партнеров. По свидетельству Э.А. Шеварднадзе, Горбачев был плохим экономистом, но о ситуации в экономике и в сфере сотрудничества с соцстранами был полностью информирован. Однако его коллеги по Политбюро, считавшие, что хватит, мол, кормить "братьев", в начале 1990 г. убедили Горбачева принять решение о переходе в торговле со странами СЭВ на расчеты в конвертируемой валюте, обещав выгоду в 12 млрд. долл.(?). В результате этой меры была сокрушена вся система сотрудничества, а Советский Союз стал должником многих социалистических стран.

Но еще до этого в 1987 г. раздосадованный сопротивлением партнеров, их скептицизмом в отношении перестройки, Горбачев склонился к мнению о необходимости замены некоторых высших руководителей соцстран. В аппарате ЦК это называли стремлением поставить у власти "маленьких горбачевых". Понятно, что такое должно было рано или поздно произойти. Например, Я. Кадар еще весной 1985 г. сказал Горбачеву, что ему как самому молодому руководителю будет трудно сработаться с коллегами – стариками. Нормальные отношения у Горбачева сложились только с В. Ярузельским и Я. Кадаром. Сложными были взаимоотношения с Э. Хонеккером, Н. Чаушеску и Т. Живковым. Внешне уважительным было отношение Горбачева к Г. Гусаку, но он сам уговорил последнего освободить партийный пост в конце 1987 г. Формально подготовка всех кадровых замен была поручена Медведеву и Крючкову.

Интересной была история с уходом Кадара. Положительно восприняв перестройку в Советском Союзе, Кадар, наблюдая трудности вокруг ее реализации, засомневался затем в успехе этой политики. В характерном для себя стиле в сентябре 1985 г. он спросил Горбачева, не боится ли тот, что с ним повторится история с Н.С. Хрущевым.

В 1987 г. через закрытые каналы он предупреждал Горбачева о вероятном крахе перестройки. Об этом Кадар говорил в своем кругу, о чем сразу докладывали Горбачеву. Под влиянием настойчивых намеков с советской стороны и давлением молодых членов венгерского Политбюро, рвавшихся к власти, больной Кадар в мае 1988 г. перешел на чисто декоративный пост председателя партии. Перед уходом он позвонил Горбачеву, объяснил принятое решение и его мотивацию. Горбачев, разумеется, все давно знал, но счел нужным подчеркнуть, что этот шаг, как всегда, продуман Кадаром и делается с его согласия. Нечто подобное произошло и с Гусаком. Кстати, замены руководителей и в Венгрии, и в Чехословакии не были удачными (К. Грос и М. Якеш оказались не на высоте той большой и трудной задачи, которую предстояло решать их партиям). Приезжавшему в Болгарию В.А. Медведеву не удалось быстро заменить Т. Живкова, вопрос о его уходе затянулся до конца 1989 г. Но в Болгарии более молодое поколение политиков-коммунистов (П. Младенов, А. Лилов, А. Луканов и др.) оказало существенное влияние на процесс трансформации общественного строя.

В ГДР время для перемен было катастрофически упущено. В Политбюро существовала группа политиков во главе с В. Штофом, которая выступала за отставку Э. Хонеккера, но действовали они нерешительно. В октябре 1989 г. во время пребывания Горбачева на 40-летию республики окончательно выяснилось, что обстановка стала критической, население теряло терпение. Несмотря на свою позицию невмешательства, советский лидер все-таки принял "гонца" из Восточного Берлина члена Политбюро ЦК СЕПГ Г. Тиша. Это было накануне заседания Политбюро ЦК СЕПГ, на котором решались ключевые вопросы. Не случайно преемник Хонеккера Э. Кренц благодарил Горбачева за эту встречу¹⁵.

Что касается Румынии, то попытки приблизить Чаушеску (обмен визитами, награждение высоким орденом, наше согласие на поставки нефти в Румынию, знаки внимания к жене Чаушеску Е. Чаушеску со стороны АН СССР и т.д.) особых результатов не принесли. Чаушеску оставался яростным оппонентом перестройки, он критиковал уступки Горбачева Западу в сфере безопасности и разоружения. На семейном ужине в резиденции румынского лидера во время визита Горбачева в Бухарест в мае 1986 г. произошла прямая стычка. Чаушеску в менторском тоне по существу потребовал от Горбачева отказаться от реформистских планов, меньше заниматься международными делами, а больше внутренними. Горбачев на повышенных тонах ответил, что в советах не нуждается, а вот Чаушеску следовало бы идти в ногу со временем и подумать о назревших преобразованиях. "То, что вы выдаете у себя за общество благоденствия и гуманизма, на мой взгляд, не имеет ничего общего ни с тем, ни с другим, не говоря уж о демократии, – всю страну держите в страхе, изолировав ее от окружающего мира"¹⁶. Как рассказывал наш переводчик Н.А. Рембиевский, началась перепалка, в которую ввязались жены. Р.М. Горбачева дала отпор Е. Чаушеску, когда та начала утверждать, что советский народ живет хуже румынского. В Москве, после визита Горбачева, сложилось устойчивое мнение о политике Чаушеску. Сам генсек сказал в своем кругу, что "Николае плохо кончит". Известно было о серьезных трудностях, переживаемых Румынией. Поступала информация об усилении оппозиционных настроений в партии, обществе и особенно в румынской армии. Не знаю, в каком ключе говорил румынский оппозиционер С. Брукан с Горбачевым о будущем Румынии. Об этой встрече в Москве в конце 1988 г. упоминается в литературе: на ней якобы речь шла о периоде социализма в Румынии без Чаушеску. Трудно сказать, состоялась ли вообще эта встреча. В любом случае известно, что на обращение оппозиционных групп румынской элиты об оказании помощи в свержении Чаушеску советский лидер ответил отказом, мотивируя тем, что вмешательство во внутренние дела других стран противоречит принципам его внешней политики. Наблюдая кризисные процессы в

¹⁵ Яковлев А.Н. Перестройка 1985–1991. Документы. М., 2008, с. 363.

¹⁶ Горбачев М.С. Указ. соч., с. 397; Шахназаров Г.Х. Указ. соч., с. 101.

соцстранах и опасаясь за свое положение, за свой режим, Чаушеску в 1988 г. а затем на коллективной встрече на высшем уровне в июле 1989 г. в Бухаресте и в своей последней беседе с Горбачевым в Москве 4 декабря 1989 г. предлагал обсудить ситуацию в социалистическом лагере и разработать совместные меры по выходу из приближавшейся катастрофы. Горбачев тогда заявил, что все перемены проходят на базе демократии, без ущерба для дела социализма и нет причин опасаться краха социализма. Рабочую встречу для обсуждения кризисных явлений предлагал провести и М. Якеш, но в ходе "бархатной революции" в ноябре 1989 г. он сам лишился своего поста в КПЧ. В.А. Медведев в книге "Распад" самокритично признает, что замену руководителей в соцстранах надо было проводить энергичнее и раньше. Горбачев говорит об этих проблемах скупо: "В научной дискуссии я, видимо, могу признать, что где-то мы могли поступить рациональнее, в чем-то ошибались. Как показало дальнейшее развитие событий, непродуманным оказался единовременный переход в торговых отношениях с восточноевропейскими странами на расчеты в свободно конвертируемой валюте. Ни нам, ни им это валюты не прибавило, зато привело к дезорганизации экономических связей. Были и другие неадекватные действия"¹⁷.

С поражением ПОРП на выборах в сейм летом 1989 г. развернулся каскадный процесс демократических, антитоталитарных революций во всех социалистических странах ЦВЕ. Где-то они были "бархатными", где-то с кровопролитием. Почти повсеместно с судебными преследованиями "бывших". Вместо "революций сверху", как это предполагалось Горбачевым, в Восточной Европе прокатилась волна революций, инициированных снизу оппозиционными силами. Советский руководитель был ошеломлен быстротечностью этих перемен. Но в совокупности эта кризисная ситуация ни разу не была обсуждена на пленумах ЦК КПСС. Однако критические выступления членов ЦК, народных депутатов в адрес политики Горбачева имели место, в том числе в связи с огромными (и до сих пор необъяснимыми) уступками в германском вопросе. Горбачев отбивался, западные политики ему помогали, в том числе выпустив к XXVIII съезду КПСС специальное (мягкое по тону) заявление НАТО по объединению Германии. Для объективности следует отметить, что тогда первоочередным вопросом для Горбачева уже стало удержание власти, спасение имиджа перестройки и сохранение Советского Союза. Из того, что опубликовано недавно в России бывшими сотрудниками Президента – А.С. Черняевым, Г.Х. Шахназаровым и В.А. Медведевым, понятно, что сам Горбачев вел счет своему правлению буквально на месяцы¹⁸. Как рассказывает А.С. Черняев, социалистические страны чуть ли не с самого начала являлись обузой для Горбачева, у него было желание "отпустить" их. Но, как считает К.Н. Брутенц, генсек-президент все-таки понимал важность наличия "дружественного окружения" в период бурных трансформаций в Советском Союзе¹⁹. Г.Х. Шахназаров отмечал, что в Москве видели усиление оппозиционных сил, в том числе внутри компартий восточноевропейских стран ЦВЕ, фиксировали разворот политики этих стран на Запад, наблюдали активизацию политики США и их союзников в регионе, но "советское руководство в условиях обострявшегося в стране кризиса и принимавшей все более острые формы политической борьбы не имело ни сил, ни средств этому воспрепятствовать. Откровенно говоря, Горбачеву просто было не до этого. В последний год – полтора своего пребывания у власти он лишь урывками занимался отношениями с соцстранами"²⁰.

В записках, которые направляли в 1988–1989 гг. в ЦК КПСС по поручению А.Н. Яковлева различные научные центры, высказывались соображения о том, что у

¹⁷ Горбачев М.С. Указ. соч., с. 475–476.

¹⁸ В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева и Г. Шахназарова (1985–1991). М., 2006, с. 560–561.

¹⁹ Брутенц К.Н. Указ. соч., с. 469.

²⁰ Шахназаров Г.Х. Указ. соч., с. 100.

Москвы есть два варианта действий: вмешаться или принять к сведению надвигающиеся перемены, т.е. примириться с ними. Но вмешательство будет означать потерю имиджа перестройки, неудачу ее внешней политики. Довольно оптимистически утверждалось, что ОВД может сохраниться, а экономические связи с Советским Союзом восточноевропейские страны вряд ли могут заменить чем-то другим. Экономико-финансовый фактор приобрел важнейшее значение, во всех беседах Президента СССР с руководителями ведущих стран мира, включая богатые арабские и азиатские, возникал вопрос о финансовой помощи Москве. Страна утратила финансовую самостоятельность. Но, вероятно, Горбачева беспокоила и личная судьба.

В конце 1989 – начале 1990 г. для Москвы в сфере внешней политики неумолимо возникла задача установления отношений с новыми режимами власти в странах ЦВЕ – с правительством Т. Мазовецкого и "Солидарностью" в Польше, с президентом В. Гавелом и "Гражданским форумом" в Чехословакии, с И. Илиеску и Фронтом национального спасения в Румынии, чуть позже с правительством Й. Анталла в Венгрии и, конечно, с коалиционными правительствами в ГДР (пока республика еще существовала). О подходах к решению этих задач свидетельствует документ Секретариата ЦК КПСС от 22 января 1991 г. (ст-15/2) "О развитии обстановки в Восточной Европе и нашей политике в этом регионе". В нем, в частности, подчеркивалось: "Советский Союз заинтересован в хороших, добрососедских взаимоотношениях с государствами региона. Весьма важно, чтобы эти государства проводили по отношению к нам дружественную политику, не были бы источниками антисоветизма, не играли роль внешнего катализатора национального сепаратизма и центробежных тенденций в СССР, не выступали проводниками политики сил, не оставивших планы перекройки политической карты Европы. Из восточноевропейского региона ни при каких обстоятельствах не должна исходить реальная или потенциальная угроза военной безопасности Советского Союза. При любом развитии событий страны региона должны оставаться свободными от иностранных баз и вооруженных сил. В свою очередь вывод советских войск из стран Восточной Европы должен осуществляться с максимальным учетом нужд и интересов советских военнослужащих"²¹.

Эти соображения представлялись реальными, но события разворачивались по-иному. У Горбачева уже не было влияния, да и отсутствовала воля отстаивать законные интересы своей страны. За полгода он полностью изменил советскую позицию в германском вопросе. Дело не в том, как говорит сейчас Горбачев, что нельзя было предотвратить объединение Германии. Да, исторически объединение было неизбежно. Но советское руководство, персонально президент Горбачев и министр иностранных дел Шеварднадзе обязаны были добиться более выгодных условий объединения в интересах собственной страны, чтобы ее безопасность была бы обеспечена системой международных договоров, вытекающих из наших прав как державы – победительницы, и связанных с интересами европейской безопасности. Этого сделано не было. Фактически были перечеркнуты итоги победы советского народа во Второй мировой войне. Авторитетный дипломат, бывший секретарь ЦК КПСС и советник президента А.Ф. Добрынин отмечает: «Вначале Горбачев придерживался правильного подхода: объединение Германии должно быть синхронизировано с формированием новой структуры безопасности в Европе. Но он не проявил настойчивости в осуществлении этого важного стратегического плана, что было особенно необходимо в условиях, когда режимы в странах Восточной Европы стали распадаться и весь этот район быстро дестабилизировался. По существу Горбачев по-серьезному и не пытался предпринимать какие-то практические шаги по реализации такого плана. Его как бы парализовала волна перемен, которая прокатилась по странам Варшавского Договора. Его сбитые с толку коллеги по Политбюро наблюдали (одни с гневом, другие пассивно), как одна за другой бывшие соцстраны порывали с СССР союзнические отношения,

²¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 89, п. 20, д. 22.

которые их связывали в течение жизни целого поколения. Правда, ситуация в отдельных странах обсуждалась на Политбюро от случая к случаю, но это обсуждение носило хаотический характер. На этих заседаниях Горбачев гневно обвинял руководителей стран Восточной Европы в нежелании реформироваться и в неумении приспособиться к "новому мышлению". Встревоженный Генштаб бил тревогу по поводу дезинтеграции Варшавского Договора, обращая внимание Горбачева на проблемы обеспечения безопасности нашей страны в складывавшихся условиях. Однако у Кремля не было никаких планов на случай такого развития событий. Военная интервенция исключалась. Горбачев лихорадочно повторял свой основной тезис о взаимном с Западом поиске "новой системы безопасности для новой Европы". Но Запад не проявлял готовности к совместным практическим шагам, хотя на словах охотно поддакивал ему»²².

Следует добавить, что исчезновение ГДР оказало особо пагубное воздействие на все бывшие соцстраны, на всех друзей Советского Союза, подорвало веру в советскую внешнюю политику. Что касается новых руководителей стран ЦВЕ, то первое время они еще заявляли о сохранении связей с Советским Союзом, но о приверженности к ОВД молчали или предлагали распустить коллективную оборонительную организацию. В этом направлении работали и западные партнеры. Ликвидация ОВД, а затем и СЭВ прошла быстро. Расчеты политиков и аналитиков из окружения Горбачева на то, что наши взаимоотношения сохранятся и будут опираться на новый баланс интересов, оказались иллюзорными. Не имели реальной основы и разговоры о возможной "финляндизации" стран Восточной Европы. После развала СССР России пришлось заново строить отношения со странами ЦВЕ, включая решение вопросов задолженности, пересмотра некоторых соглашений, урегулирования последствий пребывания советских войск и переоценку сложных проблем общего исторического прошлого. Сейчас эти отношения в основном отрегулированы. Но прежней степени доверия во взаимоотношениях, конечно, нет. Экономические связи поддерживаются, но их объемы и качество уступают тому, что было до 1991 г. Все бывшие союзные страны, а также прибалтийские республики встали на путь евроатлантизма, вступили в НАТО и ЕС. На их территориях размещены военные базы блока или США. Можно констатировать, что крупные европейские страны (Германия, Франция, Италия, Испания и др.) проводят в отношении Российской Федерации более взвешенную и самостоятельную политику, чем отдельные наши бывшие союзники и друзья.

Но вернемся к оценке событий 18-летней давности. Необходимо отметить, что помимо влияния перестройки и гласности в Советском Союзе и воздействия противоречивой политики Горбачева в отношении социалистических стран Европы, находившихся в предкризисном состоянии, на процесс тектонических перемен в регионе повлиял и фактор западной политики. "В известном смысле ценность Восточной Европы была занижена самой возможностью выхода СССР на новый уровень взаимопонимания с Западом"²³. Помимо просчетов в политической области, существовали иллюзии насчет переноса акцента в экономических связях с Востока на Запад. С провозглашением "нового мышления" США и их ближайшие союзники сознательно работали ради ослабления роли и влияния СССР в странах ЦВЕ, а также отстранения от власти правящих компартий. Конечно, при этом использовался и весь арсенал средств, применявшийся в годы противостояния, в период "холодной войны", включая финансовый рычаг, разного рода приманки, нажим на правительств, закрытые контакты с лидерами оппозиции и пропагандистские каналы. Цель была одна, используя возможность, предоставляемые политикой Горбачева, шаг за шагом раскачивать ситуацию, чтобы добиться благоприятных политических перемен. Говоря о советской политике

---

²² Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1997, с. 666.

²³ Из документа Международного отдела ЦК КПСС от 22 января 1991 г. – РГАНИ, ф. 39, п. 20, д. 22.

и целях США в те годы, бывший президент Дж. Буш-старший и его советник по вопросам национальной безопасности генерал Б. Скоукрофт пишут в своей книге, что на первом месте стояла «Восточная Европа, где наметившиеся шаги по пути реформ могли дать нам возможность извлечь выгоду из "нового мышления" в Советском Союзе, добиваясь ослабления хватки Москвы". На втором месте стоял "контроль над ядерными и обычными вооружениями»²⁴.

Американские политики в своих мемуарах отмечают, что американская администрация неоднократно ставила тесты Горбачеву, проверяя его приверженность "новому мышлению" и пределы, до которых могла пойти его политика. Большое значение имело то, что Горбачев, который вначале считал Р. Рейгана человеком пещерного мышления и сугубым консерватором, все-таки поверил президенту США, а тот увидел в генсеке партнера, поэтому между ними завязался диалог. После этого последовали инициативы Советского Союза по разоружению и сокращению вооруженных сил, в том числе выводу войск из Центральной и Восточной Европы. При президенте Дж. Буше-старшем американцы предприняли зондаж через Г. Киссинджера, который в январе 1989 г. в беседе с Горбачевым предложил сделку – США пойдут на расширение политических контактов с Москвой, помогут облегчить бремя военных расходов и в других областях, но в обмен на перемены в Восточной Европе. Киссинджер выдвинул идею, чтобы Буш договорился с Горбачевым о совместных действиях по либерализации обстановки в Восточной Европе на базе обязательства США не действовать против интересов безопасности Советского Союза²⁵. Формально Горбачев не согласился, но разговор на эту тему был продолжен затем официально с госсекретарем Дж. Бейкером, который пришел к выводу, что советский Генеральный секретарь и его министр иностранных дел являются в этом деле перспективными партнерами. А для того, чтобы Москва не закрыла дверь в Восточную Европу, надо идти "через Москву", поскольку изменения в регионе происходят под влиянием перемен в Советском Союзе и в соответствии с его новой политикой и его новыми интересами. Одновременно Дж. Буш, да и М. Тэтчер, у которой были свои доверительные контакты с Горбачевым, убеждали советского лидера, что США не будут угрожать интересам СССР в Восточной Европе, не будут эксплуатировать внутренние трудности в социалистических странах. Запад выступает за то, уверяли они, чтобы это были сугубо внутренние процессы и вмешиваться в них, "подстегивать декоммунизацию Восточной Европы мы не станем".

Верил ли всему этому Горбачев? Очевидно, верил отчасти. Но во время встречи с президентом США на Мальте в декабре 1989 г. Горбачев заявил, что доктрина Брежнев-мертва, подтверждая тем самым, что Советский Союз не будет, как в прошлом, вмешиваться в события в Восточной Европе. Вспоминая, как член Политбюро ЦК ВСРП Я. Берез сказал тогда мне: "Ну, что продали нас?". Бывший генсек ЦК ВСРП К. Грос, ссылаясь на свои беседы в 1988 г. с Дж. Бушем и Ф. Миттераном, а также с В.А. Крючковым и Э.А. Шеварднадзе, писал в 1994 г., что Запад тогда готовился к отмене Ялтинских договоренностей и смене расстановки сил в регионе, а Советский Союз готовился к ослаблению политических и экономических связей с соцстранами, вел торг с американцами²⁶. Ранее подобную позицию о невмешательстве излагал и А.Н. Яковлев во время своих рабочих визитов в Венгрию и Чехословакию в конце 1988 г. Но начавшаяся дестабилизация в "братских странах" коренным образом все меняла, уменьшение присутствия Советского Союза в странах ЦВЕ автоматически вело к усилению роли и присутствия США. Вакуума быть не могло. Горбачева беспокоил данный вопрос. 10 ноября 1988 г. в посланиях Дж. Бушу, Г. Колю, М. Тэтчер и

²⁴ *Bush G., Scowcroft B. A World Transformed. New York, 1999, p. 15.*

²⁵ *Брутенц К.Н. Указ. соч., с. 485.*

Намеки на американско-советский кондоминиум содержались и в беседе Г. Киссинджера с А.Н. Яковлевым: *Яковлев А.Н. Указ. соч., с. 304–305.*

²⁶ *A puha diktatúrától a kemény demokráciáig. Budapest, 1994, 106 o.*

Ф. Миттерану он заявил, что есть два германских государства и что Москва будет защищать свои интересы. Как отмечает Буш-старший в своих мемуарах, "Горбачев явно проявил подлинное беспокойство по поводу событий в Восточной Европе. До сих пор он казался безучастным, даже зачарованным убыстряющимся отходом региона от коммунизма и советского контроля"²⁷. В мае 1990 г. в Москве советский лидер заявил Бушу: "У меня есть данные о том, что вы в своей политике стремитесь отделить восточноевропейские страны от Советского Союза". Но это была запоздалая и беспомощная констатация. Решительной позиции советский лидер опять не занял. По оценке американских исследователей М. Бешлосса и С. Тэлботта (бывший первый заместитель госсекретаря США), Горбачев "никогда не предвидел, что в несколько месяцев Восточная Европа сойдет с советской орбиты и что Варшавский пакт рухнет. Из смелого инициатора революции он превратился в сбитого с толку свидетеля собственных действий"²⁸.

Оправдывая свою политику Горбачев, как правило, утверждает, что его напрасно обвиняют в том, что он, мол, отдал Восточную Европу, отпустил на свободу ее народы. Кто, дескать, мог их удержать? Они имели право на свободу. Фактически же непредвиденное им развитие событий расставило все по своим местам – страны ЦВЕ отделились от Москвы, где в высшем руководстве созрело желание к разводу, правда, не в такой драматичной форме, регион пошел по своему пути смены общественного строя, разворачиваясь в сторону США и Западной Европы. Оправдываясь, Горбачев в июле 1991 г. сказал Г. Колю: «Мы им "надоели". Но и они нам надоели». В наши дни Горбачев так объясняет свою позицию: "Процесс перемен в такой стране, как наша, не мог быть простым. Мы это понимали, хотя не все могли предвидеть. Но среди всех перипетий этих бурных лет мы смогли удержать курс на мирные перемены, довести их до того рубежа, когда движение вспять стало уже невозможным. Путь России к демократии был открыт. Одновременно мы признали на деле свободу выбора народов соседних стран, отказались от доктрин, лишавших их реальной самостоятельности. Это позволило начать мирные трансформации в странах Центральной и Восточной Европы"²⁹. Но все ли из сказанного здесь соответствует фактам?

"По отношению к подопечным странам Советский Союз, КПСС, – как отмечал известный ученый и общественный деятель академик О.Т. Богомолов, – долгое время выступали как догматически консервативная сила. Нельзя не отдать должное М.С. Горбачеву, который провозгласил отказ от патернализма, подлинное равноправное партнерство и право каждого народа делать свой собственный выбор. Но эта декларация и запоздала, и не всегда сопровождалась делами. Не исключаю, что не преодоленный до конца идеологический и политический патронаж со стороны советского и затем российского руководства привел в конечном счете к отторжению всяких социалистических идей и увлечению западными концепциями либерализма"³⁰.

Подводя итоги, можно констатировать, что среди причин перемен в Восточной Европе в 1985–1991 гг. слились воедино нерасчетливая, непоследовательная политика Горбачева, его идея переноса перестройки в социалистические страны, попытки глобализации перестройки, а также в качестве главного фактора народные выступления против старых режимов и смена поведения политического класса в этих странах вкупе с догматизмом прежнего руководства, неспособного предложить выход из кризисной ситуации, и одновременно умелое использование западными странами в своих интересах всех слабостей политики руководства Советского Союза и кризиса власти в бывших соцстранах. Революции в странах Восточной Европы оказали существенное влияние на последовавший через два года развал Советского Союза.

²⁷ *Bush G., Scowcroft B.* Op. cit. p. 150.

²⁸ *Beschloss M.R., Talbott S.* At the Highest Levels. New York, 1993, p. 467.

²⁹ Выступление М.С. Горбачева в Филадельфии 19 сентября 2008 г. при вручении американской "Медали свободы". – www.gorbi.ru/rubrs.asp?art_id-26120&rubr_id-20&paig-2

³⁰ *Богомолов О.Т.* Размышления о насущном. М., 2003, с. 14.